

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВЪДОМОСТИ.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

15-го **М а я** № **10.** 1881 года.

Р ъ ч ь,

произнесенная предъ панихидою о бывшемъ настоятель-
Екатеринославской Духовной Семинаріи Аркадіи Степа-
новичѣ Цвѣтковѣ 8-го марта 1881 года.

Тамъ, вдали отъ насъ, — на южномъ берегу Крыма, гдѣ те-
перы благоухаютъ мирта — и розмаринъ, гдѣ земля покрыва-
ется коврами цвѣтвѣющей зелени, гдѣ солнце и небо, море и при-
рода зовутъ человѣка къ наслажденію, къ жизни, — тамъ мнѣ
видится холмъ только что васыпанной свѣжей могилы; видится
исамый образъ того, кого навѣки сокрыла эта могила. Это
образъ изможденнаго, одинокаго острадалца, бывшаго нашего
сослуживца и соратника на поприщѣ учебно-воспитательной
дѣятельности — въ этомъ заведеніи, гдѣ А. Силъ Цвѣткова, и
назадъ въ томъ до полтора года А. Силъ оставилъ учительскую
службу, при гдѣшней Семинаріи гдѣ поступилъ учителемъ
въ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ. Еще такъ
немного, следовательно въ прошлѣи времена съ тѣхъ поръ,
какъ мы разстались съ неизбежными нашими сослуживцами,
и память о немъ безъ сомнѣнія, да еще живая и свѣжая, и

всѣхъ тѣхъ, кто лично зналъ этого человека. — Впрочемъ, школа, какъ и семья, не способна совсѣмъ терять изъ виду и навсегда забывать своихъ членовъ. Какъ между членами кровной, родной семьи, такъ и между членами семьи школьной существуетъ невидимая внутренняя связь, въ силу которой товарищи всегда помнятъ своихъ товарищей, сослуживцы никогда не забываютъ другъ друга... Проходятъ годы, проходятъ десятки и даже сотни лѣтъ, а школа въ своихъ лѣтописяхъ и устныхъ преданіяхъ неизмѣнно хранитъ священную память о лицахъ и именахъ всѣхъ тѣхъ, кто когда либо вступалъ въ ея двери и былъ работникомъ ея...

Въ настоящую минуту, когда мы въ этомъ святомъ храмѣ, отъ всей своей чистой души, желаемъ вознести къ Богу свои молитвы о вѣчномъ и блаженномъ упокоеніи души нашего незабвеннаго сослуживца, А. С. Цыткова, — мнѣ хотѣлось бы вмѣстѣ съ вами вспомнить о немъ — какими онъ былъ при жизни. Въ 9-ть лѣтъ онъ прожилъ съ нами, — въ 9-ть лѣтъ трудился въ этомъ — заведеніи на пользу образованія и воспитанія юношества, — за такое время онъ могъ бытъ узнать насъ не только какъ личность, но и какъ человека, а мы — какъ личность, а не только какъ человека. Онъ обыкновенно говорилъ: *de mortuis aut bene, aut nihil*. Но, съ мнѣ кажется покойный А. С., какъ пастырь, имѣлъ нѣкоторыя дѣйствительныя, возвышающія его личность, качества, достойныя свѣтлой памяти и глубокаго нашего уваженія. Припомнимъ сами, припомнимъ вотъ факты — такъ много трудился надъ своимъ собственнымъ образованіемъ и саморазвитіемъ, чтобы бытъ истинно полезнымъ и труженникомъ науки и не бесплоднымъ работникомъ школы. Онъ, какъ и каждый вновь вступающій на оприще учебно-воспитательной дѣятельности, только много связавшись съ академической школьной скамьей, прибылъ сюда — въ эту семинарію

свуднымъ запасомъ свѣдѣній и вообще о мадохбилъ подготовд
лень къ своей наставнической дѣятельности. Вид между дѣмъ, в
вспомните: какіе громадныя успѣхи онъ приобрѣлъ за по
слѣднее время, овъ силу своихъ постоянныхъ и девятилѣтнихъ
трудоу, и усидчивыхъ званій, въ знаніи различныхъ отрас
лей науки, и особенно — по исторіи и русской и европейской
литературѣ, биологикѣ, какъ и его любимыхъ предметовъ, о пред
метовъ его специальности. Преподавая въ течение 9-ти лѣтъ
эти науки свѣдѣтъ въ Семинаріи, онъ выдтоже (время имѣлъ
уроки по русскому языку и словесности) въ женскомъ духовн
номъ училищѣ, а онѣ сколько годовъ въ ряду преподавалъ
эти же предметы въ женской Маринской гимназіи. — Я не
говорю о уже о нѣтъхъ о чувствѣхъ уваженія и благодарности
которыми и де исполнены были къ покойному А. С. и сердца
его юныхъ учениковъ и ученицъ за его доблородные и
честные труды, и за его пристрастия — научныя и свѣдѣнія, у
которыми онъ обогатилъ ихъ. — Эти чувства будутъ весьма
долго, долго памяты! А. Такою же заслуженною любовію, и
такими же достойнымъ уваженіемъ покойный пользовался,
какъ слышно было, и въ средѣ воспитанницъ Харьковскаго
института. — Честь и вѣчная память тебѣ, о нашъ достойный
сослуживецъ! —

Къ сожалѣнію, эти тяжелыя научныя занятія и безпрерыв
ныя труды, которые начались для А. С. со дня поступленія на
службу, какъ мнѣ покажется, еще видѣсь — а до перехода на
институтъ, надломилъ его силною и разстроили его здоровье.
Но съ переходомъ на новое мѣсто службы потребовалось
отъ него много новыхъ усиленныхъ трудовъ и занятій, а при
недостаточности матеріальныхъ средствъ къ жизни, о такъ
уже видно, доля всѣхъ труженниковъ школы и науки, что онъ
долженъ былъ и въ урокахъ и въ институтѣ, имѣть много
уроковъ въ частныхъ домахъ, и такъ что, какъ мнѣ перес

скорби и слезы других, иногда со всѣмъ чуждыхъ ему людей...

Но, вотъ, и послѣдніе дни его жизни, и самая смерть представляютъ собою безмѣрно грустную, мрачную, подавляющую картину. Видно самимъ Небомъ суждено было покойному не видѣть и не знать въ своей жизни болѣе свѣтлыхъ, болѣе продолжительныхъ дней радости и счастья.... Не задолго до своей смерти, именно за два мѣсяца, онъ тишился жены и малютки дочери. Оставшись съ своимъ первенцемъ — трехлѣтнимъ сыномъ, онъ, вслѣдъ затѣмъ, и самъ заболѣлъ скоротечною чахоткою. Доктора отчаялись въ его выздоровленіи, и, какъ на единственное средство къ спасенію его жизни, указали на Крымъ, гдѣ благотворенный, теплый воздухъ могъ еще произвести реакцію въ его организмѣ. Но чаши врачей не оправдались, надежда, быть можетъ это было послѣдняя отрадная надежда покойнаго, не сбылась... Вдали отъ родины, и безъ родныхъ, безъ друзей и знакомыхъ, въ совершенномъ одиночествѣ, его страдальческая, измученная душа оставила этотъ земной міръ — міръ скорбей, труда и болѣзней....

Наемная, чужая рука закрыла глаза покойному, — наемная, чужая рука внесла трупъ его на кладбище и могилу засыпали сырою землею...

Такова послѣдняя судьба земной жизни нашего, приснопамятнаго и незабвеннаго сослуживца А. С. Сиро. Но пусть же душа его видитъ, пусть она знаетъ что, нивольдъ есть семья ему близкая, ему, знакомая, которая его помнитъ, которая его любитъ и искренно молить всевысшаго Бога о упокоеніи и вѣчномъ блаженствѣ души его въ селеніяхъ праведныхъ и райскъ святыхъ!

Покойный А. С. Цытковъ былъ уроженецъ г. Казани

НЕКРОЛОГЪ.

Въ 11-ть часовъ утра, 21-го февраля настоящаго года, въ городѣ Ялтѣ, Таврической губерніи, умеръ отъ скоротечной чахотки бывшій учитель Екатеринославской Духовной Семинаріи, Аркадій Степановичъ Цвѣтковъ.

Покойный былъ уроженецъ г. Казани. Отецъ его былъ причетникомъ при одномъ приходскомъ храмѣ и, какъ само собою понятно, съ болію сердца переносилъ тяжкую свою долю, неразлучную съ званіемъ причетника... Не смотря однако на разныя служебныя невзгоды, не смотря на вопіющую бѣдность во всей своей жизненной обстановкѣ, онъ кое-какими способами умѣлъ приготовить сына своего къ поступленію въ Казанское духовное училище. По окончаніи училищнаго курса, А. С. продолжалъ свое образованіе въ Казанской Духовной Семинаріи съ 1860 по 1866 годъ, и, какъ лучший по дарованіямъ и развитію изъ воспитанниковъ своего курса, въ томъ же 1866 году, Правленіемъ Семинаріи былъ назначенъ въ Духовную Казанскую Академію. Въ 1870 году А. С. окончилъ курсъ академіи съ званіемъ кандидата; вслѣдствіе за тѣмъ, нисколько не давъ себѣ отдыха послѣ академическихъ занятій и не переступивъ даже за порогъ академическаго зданія, чтобы свободно взглянуть на вольную жизнь, чтобы беззаботно на чистомъ просторѣ всей грудью вздохнуть, — онъ приступилъ къ чтенію пробныхъ лекцій предъ совѣтомъ академіи по предметамъ своей спеціальности, по словесности, исторіи литературы и логикѣ, лишь бы только имѣть право скорѣе занять учительскую кафедру по этимъ предметамъ въ какой-либо Семинаріи. Такая поспѣшность со стороны А. С. указываетъ на тотъ фактъ, что семейная жизнь его отца и его кровныхъ родныхъ была такова, что не представляла ему никакой возможности даже для того

только, чтобы хотя несколько недель спокойно отдохнуть
 ну семейного онага послѣ академическихъ трудовъ. 28-го
 августа 1870 года А. С. прибылъ въ г. Екатеринославъ и
 вступилъ въ должность преподавателя Семинаріи по выше-
 указаннымъ предметамъ.

Ровно 9-ть лѣтъ А. С. прослужилъ въ Екатеринославской
 Духовной Семинаріи. Въ теченіе этого времени онъ, кромѣ
 преподавательской должности, исполнялъ различныя обязан-
 ности, которыя одновременно были возлагаемы на него
 Правленіемъ Семинаріи съ утвержденія Его Преосвященства.
 Вотъ эти обязанности: съ 19 декабря 1870 по 7-е сентября
 1871 года А. С. проходилъ должность помощника инспек-
 тора Семинаріи. Съ 1871 года и по день увольненія своего
 отъ службы при Екатеринославской Семинаріи онъ состоялъ
 членомъ педагогическаго совѣта и преподавателемъ француз-
 скаго языка; два раза производилъ ревизію Мариупольскаго
 духовнаго училища — именно въ декабрѣ 1872 года и въ
 январѣ 1874 года. Послѣ каждой ревизіи онъ представлялъ
 на разсмотрѣніе Правленія Семинаріи свои отчеты, въ кото-
 рыхъ обстоятельно и правдиво выставлялъ всѣ замѣченные
 имъ недостатки по учебно-воспитательной части — особенно
 же мрачными красками обрисовывалъ училище въ экономи-
 ческомъ бытовомъ отношеніи, и каждый разъ настаивалъ на
 неотложномъ ходатайствѣ Правленія Семинаріи предъ Его
 Преосвященствомъ — дабы обновленіе Мариупольскому духов-
 ному училищу. Кромѣ того, покойному А. С. согласно его
 желанію, съ утвержденія Его Преосвященства, предоставлено
 было чтеніе уроковъ по русской словесности въ епархіальномъ
 женскомъ училищѣ. Едѣ онъ и состоялъ преподавателемъ съ
 сентября мѣсяца 1871 года по день увольненія своего отъ
 службы по духовно-учебному вѣдомству. Помимо занятій по
 духовно-учебному вѣдомству, А. С. вслѣдствіе предложенія

дирекции Екатеринославской гимназии, съ разрѣшенія Его Пресвященства, преподавалъ уроки по русской словесности и исторіи литературы въ Екатеринославской Маринской женской гимназій съ 1-го сентября 1871 по 1-е октября 1875 года. Въ августъ мѣсяцъ 1879 года, А. С., по собственному желанію, перешелъ на должность учителя въ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ.

По своимъ внутреннимъ качествамъ и личнымъ достоинствамъ, и какъ учитель, и какъ человекъ, А. С. былъ вообще выдающеюся въ семинарской корпораціи личностію. Съ первыхъ дней вступленія на должность учителя Семинаріи, неизмѣннымъ девизомъ его жизни было: „вѣрный трудъ, честность и добро во всякомъ дѣлѣ“. Будучи человекомъ даровитымъ, А. С., въ видахъ своего умственного самоусовершенствованія, всего себя посвятилъ наукѣ, особенно по предметамъ своей специальности — исторіи литературы, словесности и логики, каждый изъ этихъ предметовъ онъ старался разработать самостоятельно, серьезно и основательно; самое преподаваніе этихъ предметовъ — какъ въ Семинаріи, такъ въ женскомъ духовномъ училищѣ и Маринской женской гимназій отличалось особенною жизненностію, энергіею, и всегда было исполнено души. Начитанность его какъ въ области литературы, такъ и въ отношеніи другихъ наукъ была велика и разностороння. Насколько серьезно и честно А. С. относился къ своимъ научнымъ и учебнымъ занятіямъ, можно судить на основаніи слѣдующихъ фактовъ: въ то время, когда поручено было ему преподаваніе уроковъ по французскому языку — знанія его по этому языку были весьма ограничены и поверхностны; но онъ изучилъ этотъ языкъ въ самое короткое время и совершенно свободно пользовался имъ какъ при чтеніи уроковъ въ классъ, такъ и для своихъ научныхъ цѣлей. При изученіи логики, и особенно когда

А. С. рѣшился составить свое руководство по этому предмету¹⁾, ему понадобился англійскій языкъ и, вотъ, меньше чѣмъ въ полгода онъ овладѣваетъ имъ настолько, что для своихъ трудовъ и занятій по Логикѣ онъ въ состоянн былъ пользоваться подлинниками тѣхъ англійскихъ сочиненій, которыхъ не могъ найти въ переводѣ. Понятно само собою, что такого рода научныя занятія и посильные успѣхи въ нихъ достигались А. С. не легко: только постояннымъ усидчивымъ трудомъ, постоянно сосредоточенною работою мысли онъ могъ достигать желаемыхъ результатовъ....

Покойный А. С. былъ всецѣло преданъ педагогической дѣятельности, отдавался дѣлу съ увлеченіемъ, — въ преподаванн учебныхъ предметовъ всегда слѣдовалъ строго намѣченнымъ планамъ и цѣлямъ. При этомъ, онъ какъ самъ любилъ трудиться серьезно и для себя, и для школы, такъ и въ своихъ ученикахъ и ученицахъ умѣлъ возбудить охоту къ научнымъ занятіямъ и любовь къ дѣлу. Относительно педагогической дѣятельности А. С. и о влиянн его на воспитанницъ женской гимназш, одна особа сообщила мнѣ слѣдующее: „А. С. умѣлъ вселить въ дѣтяхъ любовь къ дѣлу — это я знаю по гимназш; ученицы цѣнили, любили его и работали не по обязанности, а съ любовью. Онъ сознавалъ, что работать приходится много и серьезно, но работали охотно, радуясь своимъ успѣхамъ. Онъ умѣлъ заставить полюбить предметъ и трудъ, — а это не есть ли первая и высшая задача педагога, и многими ли она выполняется? Нравственное влиянн его на ученицъ было всегда велико и благодѣтельно: онъ относился къ нему съ довѣремъ и въ тоже время боялся его неудовольствш. Не было случая въ гимназш, чтобы какая-либо изъ воспитанницъ рѣшилась сказать ему *неправду*

¹⁾ Руководство по Логикѣ составленное А. С., за смертшю его, вѣроятно, не будетъ издано въ свѣтъ.

въ свое оправданіе; онѣ знаи строгость и серьезность его взглядовъ, но въ тоже время чувствовали, что онѣ любилъ своихъ ученицъ — что всегда готовъ былъ отстаивать ихъ интересы и всё пущы ихъ близко принимать къ сердцу.

Помимо всѣхъ достоинствъ, которыми отличался А. С. какъ учитель — педагогъ онѣ былъ и какъ человекъ-прекрасный во многихъ отношеніяхъ. Правда, онѣ не искалъ сближенія съ кѣмъ-либо изъ своихъ сослуживцевъ, не дѣлилъ съ ними обычнаго время — препровожденія въ часы досуга; во внѣшнихъ его отношеніяхъ и обращеніяхъ замѣтно было что-то сдержанное, холодное; но тѣмъ не менѣе у него не было недостатка въ той искренней задушевности, въ той сердечной теплотѣ, въ которыхъ отражаются лучшие люди изъ людей. Это знали всѣ тѣ, которые умѣли сойтись съ нимъ. Будучи постоянно занятъ, онѣ не находилъ свободнаго времени для пустыхъ развлеченій и пріятельскихъ, часто безсодержательныхъ бесѣдъ; но за то охотно отрывался отъ дѣла для тѣхъ, кто нуждался въ его совѣтѣ и его помощи, — въ этомъ разѣ онѣ былъ истиннымъ другомъ для тѣхъ, кто обращался къ нему во дни печали и затрудненій, — у него всегда находились для нихъ и досугъ и полная готовность на услуги. Его впечатлительная натура часто скорбѣла чужими скорбями въ ущербъ собственному спокойствію. Это былъ человекъ добра въ высокомъ значеніи этого слова. Отношеніе его какъ къ сослуживцамъ, такъ и ко всѣмъ другимъ людямъ было совершенно честное, — симпатіи и антипатіи не принимались имъ въ расчетъ; онѣ никогда и ни предъ кѣмъ не останавливался изъ за печати правды, хотя правдивое слово его многимъ казалось подлѣе часть очень жесткимъ. Но таково ужъ свойство правды, которая всегда, по общему признанію, всѣмъ и всякому глаза колетъ. А между тѣмъ, за эту черту характера А. С. пользовался уваженіемъ отъ всѣхъ тѣхъ,

кто понималъ и цѣнилъ его, — этимъ же объясняется, между прочимъ, и то вліяніе, которое онъ имѣлъ на другихъ даже въ средѣ наставническихъ корпорацій: Семинаріи, женскаго духовнаго училища и Маріинской женской гимназіи; эту черту въ немъ оцѣнили, какъ слышно, и его новыя сослуживцы по Харьковскому институту благородныхъ дѣвицъ.

Нельзя не помянуть добрымъ словомъ А. С. и въ томъ отношеніи, что онъ не чуждался общественной жизни, общественныхъ интересовъ. Не было ни одного хорошаго и полезнаго дѣла, предпринятаго Екатеринославскимъ обществомъ, на которое бы онъ не отозвался, и гдѣ бы участіе его не было активно и полезно; такъ онъ принималъ самое живое участіе въ открытіи безплатной женской школы и въ учрежденіи общества любителей музыки и нѣнія въ городѣ Екатеринославѣ. Въ этомъ обществѣ онъ, какъ знатокъ пѣнія, обладавшій къ тому же хорошимъ голосомъ, занималъ нѣкоторое время, по выбору членовъ общества, видную роль. Но, принимая такое живое и дѣятельное участіе въ общественномъ дѣлѣ, личное самолюбіе А. С. не имѣло при этомъ никакого значенія; разъ дѣло получило движеніе, разъ за нимъ было упрочено благосостояніе — онъ удалялся, такъ сказать, съ своего поста, предоставляя дѣйствовать другимъ, не добиваясь ни авторитета, ни роли какой нибудь. Этого тоже типичная черта души А. С., — черта въ высшей степени благородная.

Читатели Екатеринославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, вѣроятно, знакомы съ учеными статьями покойнаго А. С. Въ первый же годъ изданія Епархіальныхъ Вѣдомостей при Семинаріи А. С. помѣстилъ довольно обширную и очень интересную статью — „Очерки славянской міеологии въ связи съ славянскими праздниками“ въ №№ 19, 21, 22 и 23-мъ 1872 года; за тѣмъ въ №№ 1, 2, 4 и 5-мъ 1875 года

упомощена рѣчь, читанная А. С. на торжествѣ освященіи зданія Екатеринославской Семинаріи 31 августа 1874 года. Въ 1878 году за отлично усердную и полезную учительскую службу А. С. награжденъ орденомъ св. Станислава 3й степ. О жизни и служебной дѣятельности А. С. въ Харьковѣ, а также о его болѣзни и о тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали его смерти передаю здѣсь то, что сообщено мнѣ лицами хорошо знавшими его и такъ сказать свѣдѣвшими за всеми фазисами послѣднихъ печальныхъ дней его жизни. Изъ сообщеній этихъ видно, что первые дни служебной дѣятельности А. С. въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ были тяжелыми днями среди новыхъ и чуждыхъ ему лицъ, при новой обстановкѣ и новыхъ усиленныхъ занятіяхъ и приготовленіяхъ къ урокамъ, но такое тягостное положеніе продолжалось не долго, — его скоро узнали и по достоинству цѣнили какъ сослуживцы, такъ и начальство института; воспитанницы института, въ свою очередь, скоро поняли его какъ одного изъ лучшихъ своихъ преподавателей, стали относиться въ нему съ полнымъ довѣріемъ, любовью и уваженіемъ. Вообще, любя А. С. въ Харьковѣ составилась очень лестное мнѣніе какъ о чловѣкѣ даровитомъ, образованномъ, много начитанномъ, безпечномъ въ отношеніяхъ и высоко честномъ въ исполненіи служебныхъ обязанностей.

Другое болѣе чувствительное зло, которое пришлось испытать А. С. въ Харьковѣ — это недостатокъ матеріальныхъ средствъ къ жизни. Состоя на службѣ въ Екатеринославской Семинаріи и въ тоже время читая уроки въ енархіяльномъ женскомъ училищѣ, онъ получалъ до 2000 руб. годоваго оклада жалованья, съ переходомъ же на службу въ Харьковскій институтъ, ему пришлось ограничиться, кажется, только 900 рублями штатнаго жалованья. А жизнь и содержаніе въ Харьковѣ

во всѣхъ отношеніяхъ несравненно дороже, чѣмъ въ Екатеринославѣ. Вотъ почему А. С. пришлось испытать довольно нужды въ первый годъ своей Харьковской жизни: за то съ наступленіемъ второго учебнаго года онъ надѣялся и исполнилъ обезпечить себя въ материальномъ отношеніи, такъ какъ въ кромѣ уроковъ, даваемыхъ въ институтѣ, ему и предложены были еще уроки въ двухъ частныхъ женскихъ пансіонахъ. Кроме того, ему предложено было сотрудничество въ журналь, издаваемомъ въ Москвѣ профессоромъ Ковалевскимъ. Правда, много приходилось А. С. работать и трудиться въ виду предстоящихъ занятій, и потому, какъ уже давно принявшійся къ такому труду, не падалъ бы подъ бременемъ своихъ занятій; но постигшее его семейное несчастіе, и затѣмъ и собственная болѣзнь сломили его силы и ускорили смерть. И еще въ июль мѣсяцъ прошлаго года (будетъ А. С. послѣ вторыхъ родовъ, и вдобавляла хоткою и, въ слѣдствіе органическаго ея расположенія къ этой болѣзни, здоровье ея быстро разрушалось. Въ августъ мѣсяцъ и самъ онъ почувствовалъ лихорадочные паразизмы, но не обратилъ вниманія на нихъ въ первыхъ потому, что былъ поглощенъ заботами о больной женѣ и умиравшей новорожденной дочери, во вторыхъ потому, что начались уже занятія въ институтѣ и частныхъ пансіонахъ, о гдѣ онъ долженъ давать уроки. Такъ какъ въ это время семейныя и домашнія его обстоятельства вызвали усиленные издержки, то ему приходилось усилить свои занятія и увеличить число уроковъ, которые онъ дѣлалъ въ частныхъ домахъ, чтобы только восполнить непредвидѣнные расходы по дому. На недопомоганіе же свое онъ смотрѣлъ какъ на физическую усталость и примисывалъ его болѣе душевнымъ мукамъ. Дѣйствительно, жизнь его въ это время была

(4) А. С. женился тогда еще былъ на службѣ въ Екатеринославѣ, именно въ январѣ 1878 года, отъ Н. ...

истинно мученической: каждый день съ утра до вечера онъ долженъ былъ заниматься внѣ дома и семьи, подавая уроки того тамъ, то и въ дружномъ мѣстѣ, — долженъ находиться въ постоянномъ умственномъ напряженіи и изнеможеніи физическихъ силъ. Усталый и изможденный вонъ спѣшить домой, но что же ожидало его дома? Видъ больной жены, которая тогда находилась въ весьма состояніи полнѣйшей апатіи, что была въ сильномъ нервномъ возбужденіи, еще положительное, отсутствіе всякой заботы и собственной особы, полная неурядица, по дому, масса мелкихъ дѣязръ и надъ всѣмъ этимъ вопиющій вопросъ *о средствахъ* на завтрашній день... При всемъ этомъ на глазахъ у него кини тетрадокъ съ месячными работами его ученицъ; — двадцатьемъ ихъ проходить безсонныя ночи, — и эта скучная давящая работа часто прерывалась звонками больной жены, требовавшей отъ него же ухода. Среди этихъ мукъ и тяжкихъ испытаній онъ дожилъ до дня кончины жены, послѣдовавшей 21-го декабря прошлаго года, забывая совершенно о самомъ себѣ и ни на минуту не оставляя, не смотря на крайній упадокъ своихъ физическихъ силъ, тѣхъ умственныхъ работъ, которыми онъ всегда предавался, а которыми шло въ духъ его и стремленіе къ которымъ не могли подавить никакія несчастія и страданія... Вотъ искренній отзывъ одного высокочтимаго лица, хорошо знавшаго А. С. о его преданности къ научнымъ занятіямъ, и прониклось благоговѣніемъ, когда вижу эту святую любовь къ наукѣ, которая покотила совершенно человѣка, — это честное служеніе своему дѣлу... Ступно и тяжело становится, когда подумаешь, что, задыхаясь отъ изнуренія и жажды, человекъ этотъ безропотно работаетъ отъ утра до вечера, и не переставая любить своего дѣла... Задыхаясь онъ увѣрялъ меня, что, это все только усталость, а вотъ въ праздникахъ (рождественскихъ) отдохну и совершенно поправлюсь"... И это было сказано

А. С. совершенно чистосердечно и как бы самоуверенно. После праздников онъ пошелъ на уроки въ институтъ, но ему сдѣлалось дурно послѣ перваго же урока, его привели домой и слегъ. Эстаго дня онъ слегъ въ постель. — Врачи признали, что у А. С. быстро развивающаяся чахотка и, посоветовали ему отправиться въ Крымъ, въ надеждѣ, что теплый и здоровый климатъ южнаго берега можетъ остановить развитие губительной болѣзни и поправить здоровье больного. Хотя, видимо, нельзя уже было ожидать никакой существенной пользы отъ поездки въ Крымъ, а по А. С., при всей своей крайней слабости и критическомъ положеніи относительно средствъ, рѣшился отправиться въ путь — дорогу, и конечно съ полною увѣренностію, что онъ найдетъ себѣ спасеніе въ Крыму. По инициативѣ отца и начальницы института сдѣлана была подписка въ средѣ служащихъ и на эти деньги приглашена была сестра милосердія, которая должна была сопровождать А. С. въ Крымъ. Начальница института, инспекторъ классовъ и всѣ сослуживцы приняли самое искреннее участіе въ его положеніи. Передъ выѣздомъ его изъ Харькова начальница института навѣстила его и тутъ же взяла къ себѣ на свое попеченіе его двухлѣтняго сына, который находится у нея и по настоящее время и о которомъ она съ нѣжностію матери заботится какъ о безродномъ и безпріютномъ сироткѣ. Нашлись и здѣсь, въ Екатеринославѣ, два лица знавшіе и уважавшіе А. С., которые пожелали взять на себя заботы о снабженіи его матеріальными средствами; но благодѣяніями этихъ лицъ не пришлось ему воспользоваться, — смерть быстро постигла его. Вотъ послѣдніе дни его жизни: 13-го февраля, въ большой кружокъ друзей и знакомыхъ А. С. проводить на вокзалъ желѣзной дороги, тамъ онъ простился съ ними въ послѣдній разъ — и выѣхалъ изъ Харькова. Дорогой слабость замѣтно усиливалась съ каждымъ часомъ,

въ Севастополѣ сестра милосердія пригласила доктора, кото-
рый кашель его почти умирающимъ; тѣмъ же мѣсяцемъ
продолжали путь изъ Севастополя въ нанятомъ поковойномъ
экипажѣ. День былъ солнечный, теплый. Ате С. любовался
дивными картинами крымской природы; но при приближеніи
къ такъ называемымъ Байдарскимъ воротамъ подулъ холодный
вѣтеръ, — больной почувствовалъ этотъ холодъ и началъ сильно
страдать. Измученный онъ пріѣхалъ въ Митупу благодарно
содѣйствию нѣкоторыхъ лицъ; скоро нащелы приоты на одной
дани, — это было во вторникъ на сыррой недѣлѣ, 01 7 февраля.
Между тѣмъ слабость его возрастала, нащелы усиливались,
по временамъ сталъ и являться — бредъ. 20-го января онъ
причастился св. таинъ, а 21-го въ 11 часовъ масовъ турокъ
не стало на землѣ живыхъ; онъ палъ жертвою трудовъ
горя и душевныхъ мукъ. Миръ праху твоему добрый нашъ
сослуживецъ и честный труженникъ!

По полученіи извѣстія о смерти А. С. въ Харьковскомъ
институтѣ благородныхъ дѣвицъ была отслужена панихида,
во время которой многіе ученицы плакали о любимомъ и
уважаемомъ своемъ наставникѣ. 8-го марта была отслужена
панихида о покойномъ А. С. въ храмѣ Екатеринославской
Духовной Семинаріи въ присутствіи всѣхъ учениковъ и г.г.
преподавателей, а также и другихъ лицъ, знавшихъ и ува-
жавшихъ покойнаго.

Предъ панихидою была сказана о ректорѣ Семинаріи
рѣчь, которая напечатана выше. А. Д. — тг.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи Ив. Ушацкій

СОДЕРЖАНІЕ: Р. Рѣчь, произнесенная предъ панихидою о
бывшемъ наставникѣ Екатеринославской Духовной Семинаріи
А. С. Цѣтковѣ 8-го марта 1881 года. П. Некрологъ

Дозволено цензурою. 13-го мая 1881 года.
Въ Бирхт. Вид. данъ на полу. 1 мая 1881 года. Печ. въ Тип. Ф. М. Чаусова